

ПРАВО И 2'2001 ПОЛИТИКА

Ф. М. Раянов

*Понятие юриспруденции
и ее содержание*

В. Г. Ткаченко

*Федеральное собрание РФ
в законодательном
процессе*

Х. Гаджиев

*Проблема взаимодействия
КС РФ и иных судов*

Е. В. Охотский

*Прохождение госслужбы
в Парламенте России*

Н. В. Анисимцев

*Конституционные
проблемы современной
Японии*

А. А. Стрельцов

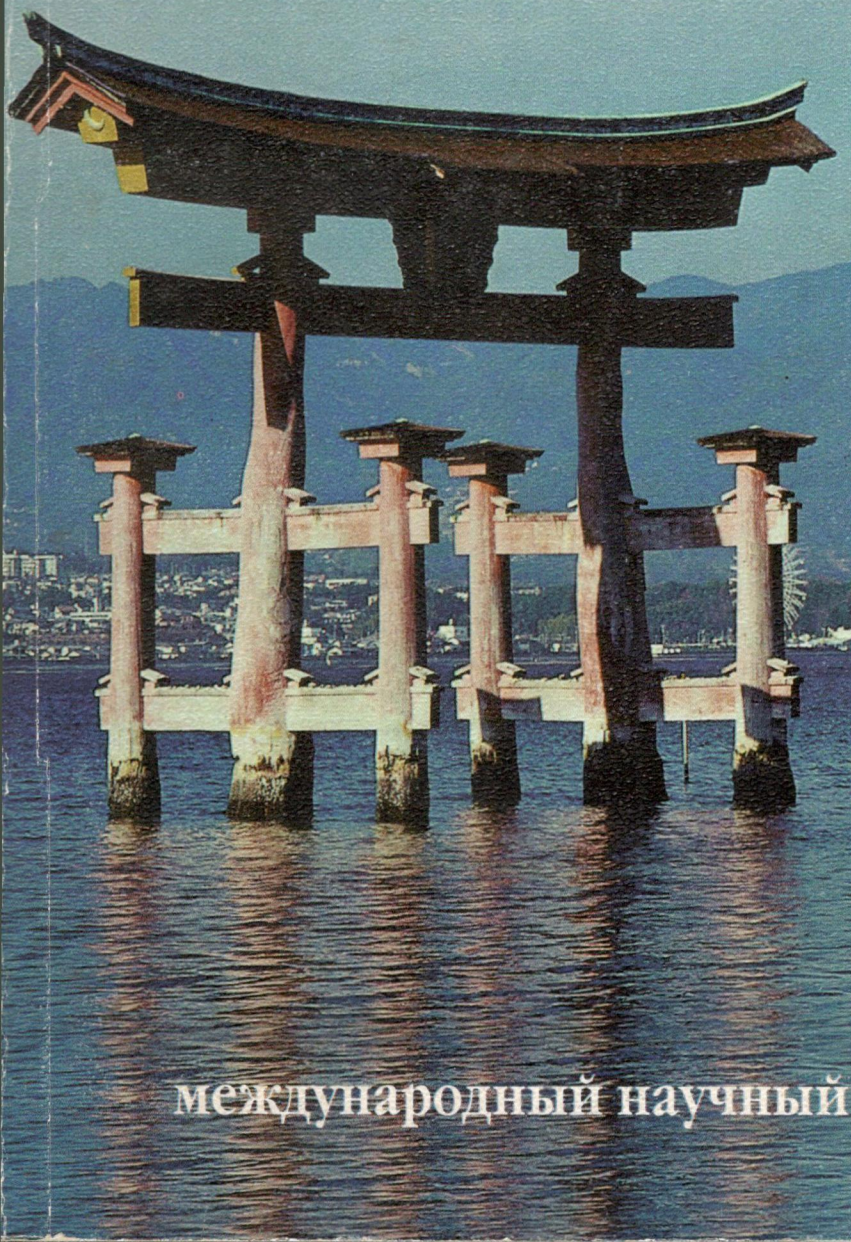
*Правовое обеспечение
информационной
безопасности РФ как
правовая категория*

Б. Я. Гаврилов

*О процессуальной
самостоятельности
следователя*

... и другие материалы

международный научный журнал

Н. В. Анисимцев

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Конституция Японии, насчитывающая по возрасту немногим более 50 лет, из ныне действующих 178 конституций мира является 15-й по старшинству. Конституции в современном мире, вопреки расхожему в России мнению, пересматриваются не столь уж редко. Свообразным рекордсменом является Норвегия, Конституцию которой пересматривали 139 раз, швейцарская Конституция претерпевала изменения 132 раза, Конституция Германии — 46 раз. Все более старшие (чем японская) конституции, включая Конституцию США, подвергались пересмотру неоднократно.

Однако, конституционные дебаты, ведущиеся в настоящее время в Японии, имеют право на особое внимание. Оно предопределено и весом Японии в современном мире, и глубиной проблем, поднимаемых в конституционных дискуссиях, длительностью и остротой политического противостояния в обществе, значением возможных конституционных решений и для этой страны, и для Азиатско-Тихоокеанского региона, для мира в целом.

Летом 1999 г. японским парламентом были приняты поправки к закону о Парламенте; данные поправки предусматривали, что в обеих палатах Парламента — Палате советников (верхней) и Палате представителей (нижней) — должны быть образованы специальные исследовательские комитеты с целью “провести широкое и всестороннее исследование Конституции Японии”.

Во исполнение данного решения Парламента 16 января 2000 г. открыл своё первое заседание Совет по исследованию Конституции (кэмпотэсакай) Палаты советников японского Парламента, а 17 января приступил к работе одноимённый Совет Палаты представителей.

В состав парламентских советов вошли видные политические деятели Японии. Совет верхней палаты возглавил президент Совета Таро Накаяма, представляющий правящую Либерально-демократическую партию (ЛДП) Японии; в его работе участвует 50 человек, в т. ч. Кими-

така Кудзэ и Кэйдзо Такэми от ЛДП, Тикагэ Оги от Либеральной партии (ЛП), Юкихиса Ёсида и Сацуки Эда от Демократической партии Японии (ДПЯ), Кадзуёси Сирахама от (Новой) Комэйто, Синдзи Коидзуми от Коммунистической партии Японии (КПЯ), Хидэо Дэн от Социал-демократической партии (СДП). Работой совета нижней палаты руководит спикер совета Масакуни Мураками (ЛДП); в ней участвуют экс-премьер-министр Ясухиро Накасонэ, Таку Ямасаки, Кадзуо Айти, Хироси Мицудзука, Дзюнъитиро Коидзуми, Маки Танака (все от ЛДП), Митихико Кано, Сэцуо Ёкомити, Ёсито Сэнгоку (от ДПЯ), Ёнэо Хирата (от Комэйто), Такэси Нода (от ЛП), Кадзуо Сии (КПЯ), Сигэру Ито (СДП).

Парламентские советы по изучению Конституции призваны стать широким официальным форумом по изучению и обсуждению ныне действующего Основного закона. Предполагается, что они будут работать в течение пятилетия и по результатам обсуждений подготовят промежуточный доклад через два-три года и итоговый доклад через 5 лет. Их работа должна протекать открыто, информация о ней будет предоставляться общественности. Как и другие комитеты парламента советы по изучению Конституции имеют право заслушивать членов кабинета министров, приглашать специалистов по интересующим их вопросам, устраивать публичные слушания. Принципиально важной особенностью статуса советов, отличающей их от постоянных комитетов Парламента, является отсутствие у них права законодательной инициативы, т.е. подготовленные ими документы не могут непосредственно вноситься на рассмотрение Парламента в качестве законопроектов.

Высокое значение этого события демонстрируется тем фактом, что почти все партии незамедлительно создали специальные группы, занимающиеся обеспечением работы своих представителей в этих парламентских советах. В ЛДП и Комэйто образованы “советы по изучению Конституции (кэмпотэсакай)” под руководством, соответственно, Нобуюки Ханаси и

Акихиро Ота, проводящие заседания раз в неделю. Одноимённый “совет” создан в ДП во главе с Митихико Кано, но он проводит совещания раз-два в месяц. В ЛП создан Комитет по исследованию проблем Конституции (“кэмпомндай-кэнкюкай”), его возглавляет Тикагэ Оги. СДП образовала “штаб по защите Конституции” (“гокэн-суйсин-хомбу”) под непосредственным началом председателя Дои. Компартия Японии, поскольку она решительно отвергает пересмотр Конституции, не сформировала комитета с аналогичными задачами.

Ещё с июля 1999 г. в активное обсуждение проблем, связанных с попытками ревизии Конституции, включились средства массовой информации Японии. Ведущие газеты страны по направленности своих передовиц сразу разделились на два лагеря – “за” и “против” пересмотра. “Форварды” японской прессы “Иомиури симбун” и “Санкэй симбун” приветствовали шаги в направлении пересмотра Конституции, не менее популярные “Майнити симбун” и “Асахи симбун” заявили о своих опасениях, связанных с возможностью ее пересмотра. “Иомиури симбун” даже опубликовала собственный проект нового Основного закона, занявший несколько полос газеты.

Таким образом, в конце 1999 - начале 2000 гг. вопрос о реформе Конституции оказался в фокусе внимания общественности Японии, её политиков, правоведов, миллионы обычных граждан.

Современная Конституция Японии была принята парламентом 24 августа 1946 г. и вступила в силу с 3 мая 1947 г., когда страна ещё находилась под оккупацией вооружённых сил США и управлялась американской администрацией. Вопрос об отношении к действующей Конституции на всём протяжении послевоенной истории Японии был главным “водоразделом” для всех политических сил страны. “Гордость японского народа”, или “пособие по самоубийству, именуемое Конституцией” – столь широк разброс мнений в японском обществе в оценке современной Конституции.

Чтобы оценить историческую роль этой Конституции в Японии, необходимо хотя бы обзорно представлять себе её предшественницу – Конституцию 1889 г. (в действительности, она вступила в силу с 1 апреля 1890 г.).

Конституция 1889 года, или, как её ещё называют, мейдзийская Конституция явилась результатом ограниченной верхушечной бур-

жуазной революции 1868 г., сохранившей во всех областях жизни страны значительные феодальные пережитки. Некоторые японские историки даже были склонны оценивать “мэйдзийскую революцию” не как вступление страны в капиталистическую эру, а как переход к феодальному абсолютизму.

Социальной опорой мейдзийской Конституции был крупный военно-промышленный и торговый капитал, зародившийся ещё на основе феодальных монополий и выросший в атмосфере государственного протекционизма, сверхэксплуатации народа и военного грабежа колоний. Существовали также крупное паразитическое помещичье землевладение, обширные и влиятельные слои военщины и монархической бюрократии.

Японское государство по форме представляло собой, как и сегодня, конституционную монархию, но монархия тех лет была ближе к абсолютизму, она была монархией не только по форме, но и по существу. Конституция 1889 г. недвусмысленно провозглашала суверенитет императора. Права граждан были весьма ограничены, многие статьи Конституции завершались оговоркой “если иное не предусмотрено законом”, что выхолащивало конституционные положения, в реальной повседневной жизни царил административно-полицейский произвол.

Двухпалатный парламент имел ограниченную представительность: на выборах в нижнюю палату действовал высокий имущественный ценз; Палата пэров (верхняя) вообще не избиралась, а назначалась императором из представителей аристократии. Важнейшие вопросы государственной жизни были изъяты из компетенции Парламента: формирование и отставка кабинета министров целиком принадлежали к компетенции монарха. Император имел право издания “чрезвычайных законов”. Император мог самостоятельно решать вопросы войны и мира. Соответственно, не было и какой-либо ответственности Кабинета перед Парламентом. Фактически роль парламента тяготела к исполнению совещательных функций при самодержавии.

В этой системе, правда, и сам император как физическое лицо не был действительным правителем страны: реальная власть принадлежала высшей военной и феодальной бюрократии – ставленникам крупного капитала и помещичьего землевладения, действовавшим через совещательные органы (типа “тайный со-

вет”, “совет старейшин” – “гэнроин”), через Палату пэров, через институты и кадры исполнительной власти.

Социально-политическая система, основанная на Конституции 1889 г., обеспечивала, с одной стороны, форсированные темпы экономического развития страны, обусловленные сверхэксплуатацией народа, а с другой стороны — она консервировала узость внутреннего рынка и неразвитость рыночных отношений, толкала Японию на путь диктатуры внутри страны и военной экспансии, колониальных грабежей во внешней политике.

В середине XIX в. страны Азии оказались перед драматическим выбором – стать колониями или полуколониями США и стран Европы, или предпринять чрезвычайные мобилизационные усилия, чтобы в кратчайший срок преодолеть историческое отставание и сравняться по своей экономической, культурной, военной мощи с Западом. Япония – единственная страна Азии, которая избежала колониальной зависимости и смогла вступить в ряды ведущих капиталистических стран. Вместе с тем та же самая политическая и правовая система подтолкнула ее на путь военных авантюр, закончившихся катастрофой 1945 г.

В результате тотального разгрома японско-го военно-феодалного империализма во Второй мировой войне, в обстановке всемирного общедемократического подъёма, под давлением держав-союзников и при поддержке их левыми и либеральными силами в самой Японии был открыт путь для устранения феодальных пережитков, перевода социально-экономической и политической системы на рельсы демилитаризации, демонополизации и демократизации страны. В такой атмосфере была разработана и принята ныне действующая Конституция 1947 г. Принятие Конституции 1947 г. фактически ознаменовало буржуазно-демократическую революцию в Японии, переход от военно-феодалного капитализма к модели высокоразвитого капитализма, основанного на рыночной экономике и либеральной политике.

Новая Конституция отличалась от мэйдзийской тремя основополагающими принципами: она провозгласила суверенитет народа, права человека и пацифизм в качестве основы внешней политики.

Она определённо отдавала суверенитет народу: “Император является символом государ-

ства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть” (ст. 1). Формально Япония остаётся конституционной монархией, но отныне монарх не может влиять на принятие и осуществление законов. Народ осуществляет свою власть через демократически избираемый парламент и формируемые им и ответственные перед ним органы исполнительной власти. Естественно, что Конституция гарантирует гражданам буржуазно-демократические права и свободы – слова, совести, митингов, демонстраций, личную неприкосновенность и равноправие, независимость судебной власти и т.д. Важное значение для Японии имела ст. 9 Конституции, согласно которой Япония отказалась от права ведения войны как права нации, от обладания собственными вооружёнными силами; Конституция не признаёт за японским государством права ведения войны. Таким образом, Конституция 1947 г. законодательно закрепила победу в Японии буржуазной демократии, а некоторые её положения, как, например, ст. 9, значительно опередили свою эпоху.

Практически одновременно, в конце 40-х – начале 50-х гг., складывается политическая тенденция, которая получила название в исторической науке “обратный курс”. Суть его заключалась в том, что американские оккупационные власти и японская администрация начали осуществлять меры, перечёркивающие сделанное в процессе послевоенной демократизации Японии: начали воссоздаваться вооружённые силы Японии, японское государство втянулось в военный блок с США, а на противников японского милитаризма, представителей левых сил страны обрушились репрессии, их изгоняли из госаппарата; в то же время многие лица, осуждённые как военные преступники, были амнистированы.

Подобный курс оказался в противоречии с только что принятой Конституцией, её декларациями миролюбивой политики и либеральных свобод. Поэтому прямо с рубежа 50-х годов Конституция 1947 г. становится фокусом противостояния, с одной стороны, левых и демократических сил, а с другой – консерваторов. Консерваторы добиваются пересмотра Конституции, левые и центристы (с разной степенью последовательности) выступают за сохранение Конституции в её нынешнем виде.

В послевоенный период сторонники ревизии японской Конституции неоднократно пы-

тались добиться своих целей, инициировав процесс, ведущий к пересмотру Основного закона.

Первая попытка открыть путь к пересмотру Конституции была предпринята сразу же после официального декларирования восстановления суверенитета страны 28 апреля 1952 г. Ст. 96 Конституции предусматривала в качестве одного из условий ее возможного пересмотра “особый референдум” среди народа, условия которого ещё только предстояло определить. Ссылаясь на статью, некоторые деятели консервативного лагеря попытались инициировать законопроект, определяющий процедуру референдума по Конституции. Попытка оказалась безуспешной.

Затем, своеобразным предшественником нынешних исследовательских советов парламента был исследовательский комитет по Конституции, созданный при Кабинете министров в 1957 г. (премьер-министр Н. Киси). Комитет возглавлял учёный-специалист по англо-американскому праву Кэндзо Такаянаги. В комитете обсуждались вопросы: какую Конституцию должна иметь Япония; какая форма монархической системы желательна для страны; каким образом должна поддерживаться система обороны Японии; как подойти к пересмотру действующей Конституции? Комитет действовал до июня 1965 г., он подготовил доклад объёмом свыше тысячи страниц, но каких-либо рекомендаций не представил, ограничившись констатацией факта, что в обществе есть сторонники и есть противники пересмотра Основного закона.

Хотя названные проблемы обсуждались и в обществе, и в правительстве, в стенах Парламента вопрос о пересмотре Конституции всегда оставался табу, и постановка его в Парламенте грозила депутату серьёзным общественным ostrаклизмом. Однако в 1997 г. наиболее радикальные депутаты из числа депутатов от ЛДП и ЛП образовали специальную группу, которая повела борьбу за создание комитетов по Конституции со статусом постоянных комитетов парламента. Им оппонировали депутаты от КПЯ и СДП. В марте 1999 г. депутаты от центристских партий ДП и Комэйто предложили компромисс, который и был принят: комитеты (советы) – создать, но без права законодательной инициативы.

Эти советы, как упоминалось выше, уже приступили к работе. Им предстоит обсудить целый ряд фундаментальных вопросов, определяющих лицо японской конституционной сис-

темы. Японская пресса называет семь таких вопросов.

Первый пункт претензий к Конституции формулируется деятелями консервативного лагеря так: “Раскрывается ли роль императора в качестве суверена государства?”.

Выше упоминалось, что в современной Японии статус императора определяется Основным законом как “символ государства и единства народа” (ст. 1); император “не наделён полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти” (ст. 4); все его действия в государственной сфере “могут быть предприняты не иначе как с совета и одобрения Кабинета, и Кабинет несёт за них ответственность” (ст. 3). Исследователи справедливо сравнивают современную японскую монархию с английской.

Консерваторы стремятся законодательно и идеологически поднять роль императора в обществе. Однако их усилия лежат пока целиком в идеологическом русле, их непосредственная цель – формирование общественного мнения с целью упрочения авторитета института японской монархии. В своей деятельности они апеллируют к традициям довоенной Японии.

В Японии, как и в других странах мира, власть монарха обосновывалась “божественным провидением”, “мандатом небес” и противопоставлялась власти, основанной на воле людей. Постулат божественного происхождения и личной “богочеловечности” императора наиболее непосредственно и полно выражается мифологией японской автохтонной религии – синто. В сфере права предикат божественности раскрывается как максима: “династия японских императоров нерушима и вечна” (ч.1 ст.1. Конституции 1889 г). Идеологическая традиция Японии и до войны, и сегодня всегда была акцентирована на уникальность японских институтов, включая монархию, подчеркивала их “внеисторичность”.

В ходе послевоенных демократических реформ синтоизм был отделён от государства; император официально отрёкся от идеи божественности своего происхождения, из числа полномочий императора изъята реальная власть, его функции носят представительский характер; в силу всего перечисленного можно говорить о монархии только как о государственно-идеологическом и общественном институте.

Усилия консерваторов, соответственно, нацелены на то, чтобы исподволь подготовить ре-

ставрацию традиций и институтов довоенной Японии. С 1967 г. в стране официально празднуется «День основания империи (Кигэнсэцу)» – 11 февраля. Это мифологическая дата: якобы в этот день в 660 г. до н.э. на японскую землю сошёл с неба первый легендарный император Дзимму-тэнно, внук богини солнца Аматэрасу-омиками, он основал государство и положил начало императорской династии, правящей Японией доныне. Таким образом, мифы синтоизма снова «воссоединяются» с государством.

Во время визита в Японию в октябре 1998 г. южнокорейский президент Ким Дэ Чжун заявлял, что отныне их правительство будет именовать японского императора не термином «король» (ilwang), общим для названия монархов, но особым термином, который является калькой на корейский язык японского термина, применяемого исключительно для обозначения японского императора – «тэнно», «небесный император» (ch'onhwang). Термин «тэнно» нес в довоенной Японии весьма специфическую идейную нагрузку: он постулирует божественность японского монарха, а также его уникальность в мире, из чего японская военщина делала вывод о превосходстве японской государственности и нации над другими народами. Не без оснований в довоенной советской литературе мелькал термин «тэнноизм», употреблявшийся для обозначения идеологии японского фашизма и колониализма. Складывается впечатление, что идеи божественности и уникальности японской монархии вновь озвучиваются на уровне межгосударственных отношений Японии.

Постепенно происходит и реабилитация гимна довоенной Японии «Кими-га-ё». В 1948 г. обязательное исполнение гимна, который считался атрибутом милитаристского прошлого, было отменено. Текст гимна взят из древней поэтической антологии: «Правь император, тысячу, восемь ли тыщ поколений, пока мох не украсит скалы, выросшие из щебня» (древние японцы верили, что камни растут, превращаясь в скалы. — Пер. А. Лазарева). Нетрудно заметить, что текст представляет собой поэтическое иносказание к положениям мэйдзийской Конституции о «нерушимой и вечной» династии. Но с 1989 г. «Кими-га-ё» снова становится по решению министерства образования обязательным к исполнению на школьных церемониях. Сейчас уже обсуждается вопрос об объявлении «Кими-га-ё» общегосударственным гимном.

Таким образом, исподволь происходит восстановление идеологической системы довоенной японской монархии. Эти отнюдь не спонтанные процессы позволяют высказать предположение, что сторонники ревизии Основного закона будут пытаться восстановить соответствующие положения Конституции 1889 г., определявшие статус императора.

Однозначная оценка процессов укрепления института монархии в Японии вряд ли возможна. С одной стороны, подобное продолжение и развитие послевоенного «обратного курса» вызывает тягостные воспоминания как в самой Японии, так и в окружающих её странах о трагическом историческом прошлом. С другой стороны, огульное осуждение всего, что представляет собой монархические традиции Японии, было бы абсурдным: исторический опыт и Европы, и Азии свидетельствует, что на смену разрушенной монархии зачастую приходит не демократия, а анархия, а с ней – варварство и узурпация власти различными кликами. Пока реабилитация японской монархии происходит только в рамках государственно-идеологических функций, она способна играть роль важного социализирующего фактора современного японского общества.

По данным опроса, проведенного газетой «Йомиури симбун» в 1998 г. в Парламенте, из 431 опрошенного депутата за предоставление императору властных полномочий высказались только 5 депутатов (1 %), что свидетельствует: непосредственной угрозы восстановления положений мэйдзийской Конституции, касающихся императора, не существует.

Другим узловым пунктом дискуссий по Конституции в Японии является девятая статья. Она образует отдельную главу «Отказ от войны», которая провозглашает: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооружённой силы как средства разрешения международных споров. Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признаётся».

Статья была принята в обстановке мирового общедемократического подъёма первых послевоенных лет и намного опередила свою эпоху.

Очень скоро, с началом “холодной войны” и образованием КНР в 1949 г., эта статья перестала устраивать и тех, кто её принимал.

Уже в 1950 г. был создан “резервный полицейский корпус”, в 1954 г. он был преобразован в “силы самообороны”, имеющие в своём составе сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы. Функции министерства обороны фактически приняло на себя “Управление обороны”. В 1952 г. Япония подписала Сан-Францисский мирный договор, формально восстановивший суверенитет страны, одновременно был оформлен японо-американский Договор безопасности, который привязал Японию к американской военной машине. Договор безопасности периодически пролонгировался. В Совместной декларации Японии и США 1996 г. предусмотрено расширение функций японских сил самообороны вплоть до совместных с США “миротворческих операций” на всём пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), за пределами японской территории.

Очевидно, что Основной закон страны стоит препятствием на пути тех сил, которые хотели бы вернуть вооружённое насилие в арсенал средств внешней политики Японии.

Энтузиастами пересмотра Конституции и устранения из неё девятой статьи являются Либеральная партия и Либерально-демократическая партия Японии. В последнее десятилетие они в своей аргументации в пользу ремитализации Японии чаще всего ссылаются на опыт международных конфликтов последних лет, инцидент с вторжением северокорейского судна в территориальные воды Японии. Также популярен аргумент, используемый и центристскими партиями, Демократической и Комэйто, о необходимости участия Японии в миротворческих акциях ООН. Им оппонируют Социалистическая и Коммунистическая партии Японии, выступающие за сохранение действующей Конституции.

Пересмотр Конституции стал бы возможен при наличии большинства в 2/3 голосов депутатов парламента в пользу ее ревизии. Но на сегодняшний день, по данным опроса парламентариев на конец 1998 г., в пользу наращивания мощи вооружённых сил Японии высказываются примерно 46 % депутатов, в пользу обретения Японией ядерного оружия – 17 % парламентариев, за укрепление японо-американского военно-политического союза – 37 %. Очевидно, что непосредственной реальной пер-

спективы принятия парламентом решения об изъятии девятой статьи из Конституции пока нет.

В центре дискуссий находятся также структура и функции японского Парламента. Современный японский Парламент, как отмечалось, состоит из двух палат – Палаты представителей и Палаты советников (ст. 42), обе палаты избираются всеобщим голосованием и представляют весь народ (ст. 43). Требования реформ в основном касаются Палаты советников. Критики утверждают, что она является “сделанной под копирку”, т. е. копией Палаты представителей. Раздаются призывы “продемонстрировать посредством дискуссии самостоятельность Палаты советников и смысл её существования”. Наиболее скептическую точку зрения в оценке деятельности Палаты советников высказывают депутаты от ЛП и ЛДП. Оппонирующая сторона (Комэйто и др.) выступает за сохранение статус-кво.

Палата советников по замыслу творцов Конституции призвана играть роль стабилизирующего начала, умеряя и нивелируя колебания политического курса в нижней палате. Существо предлагаемых сторонниками реформы парламента преобразований заключается в том, чтобы ограничить прерогативы Палаты советников, перераспределив частично её полномочия в пользу нижней палаты. В частности, “Круглый стол по определению будущего облика Палаты советников”, действующий при этой палате, внес предложение о двух нововведениях. **Первое**, во изменение ст. 59 предлагается, чтобы законопроекты, отклонённые и возвращённые Палатой советников на доработку в нижнюю палату, при переголосовании в нижней палате принимались бы одобрением большинства не в 2/3 голосов, как предусмотрено ныне, а простым большинством. **Второе**, предлагается изменить порядок назначения премьер-министра с тем, чтобы его назначение осуществлялось не обеими палатами, как ныне, а исключительно нижней палатой Парламента.

Предлагаемые новшества могут ослабить роль Парламента как стабилизирующего фактора государственной и общественной жизни, верховного гаранта сохранения ответственной публичной власти и, наоборот, способствовать превращению Парламента в более податливое “эффективное орудие” манипуляций тех сил, которые контролируют кадровые вопросы, фи-

нансовые и информационные потоки в обществе. Японские парламентарии осознают направленность подобных проектов; предполагается, что эти новшества встретят отпор среди депутатов.

Сходные тенденции просматриваются и в вопросе о порядке избрания премьер-министра страны – это ещё одна тема конституционных дебатов. Согласно Конституции 1947 г. демократически избираемый двухпалатный Парламент выдвигает из своих рядов премьер-министра (ст. 67), который формирует Кабинет. Большинство министров также должны быть назначены из числа депутатов Парламента (ст. 68). Кабинет несёт ответственность перед Парламентом (ст. 66). Если нижняя палата парламента выносит вотум недоверия Кабинету, то либо сама палата подвергается роспуску, либо Кабинет уходит в отставку (ст. 69).

Подобный порядок формирования верховных органов административной власти в Японии был существенным шагом вперёд по сравнению с мэйдзийской Конституцией, согласно которой кабинет назначался императором, был ответственен исключительно перед ним и отправлялся в отставку императором. Практика мэйдзийской эпохи была яркой демонстрацией немощи представительной власти и всевластия имперской бюрократии.

Сегодня в Японии звучат предложения ввести порядок избрания премьер-министра посредством всеобщих выборов, а заодно расширить полномочия премьер-министра. Подобные предложения трудно считать последовательно демократическими: они не лишены двусмысленности. Демократические права граждан должны быть уравновешены их ответственностью, а также быть увязаны со способностью граждан принимать компетентные решения, т.е. их правовой дееспособностью в самом высоком смысле слова. Предлагаемое в Японии нововведение, на первый взгляд, — широкая и непосредственная демократия — может иметь следствием ослабление контроля за исполнительной властью со стороны политических партий, профсоюзов, массовых организаций, т.е. кадров профессиональных политиков, и, наоборот, расширит возможности манипуляции массовым сознанием со стороны финансовых и масс-медийных магнатов. В целом общество может получить в результате подобной реформы административную власть более далёкую от интересов граждан, чем сегодня.

В числе возможных направлений преобразований будет обсуждаться и реформа админист-

ративно-территориального деления страны: пресса сообщает о возможном введении деления страны на области и провинции. Содержание реформы пока не раскрывается. Однако, следуя логике предполагаемых новшеств в других сферах, можно высказать предположение, что речь идёт о новом определении компетенции органов местного самоуправления, о наращивании административного ресурса центральной власти.

Намечаются нововведения и в области образования. В Японии сфера образования всегда играла важную роль как основной канал продвижения в общество государственных идеологических программ. Достаточно для примера вспомнить, что вся идеологическая система мэйдзийской Японии базировалась на двух документах – Конституции 1889 г. и “Рескрипте об образовании” от 1890 г.

Согласно ст. 89 ныне действующего Основного закона “никакие государственные денежные средства или иное имущество не могут ассигноваться или предназначаться для использования, выгоды или содержания какого-либо религиозного учреждения или ассоциации, или для каких-либо благотворительных, просветительных или филантропических учреждений, не находящихся под контролем публичных властей”. Статья одновременно ограничивает возможности использования публичных средств в частных целях, ограничивает идеологическую активность государства, вводя ее в определенные рамки законной регламентации, прозрачности для общественного контроля. По существу данное положение Конституции служит одной из гарантий либеральных гражданских свобод.

Предлагаемое новшество – отменить запрет на ассигнование государственных средств на формы и средства образования, “не находящиеся под государственным контролем”. Очевидно, что отмена ст. 89 открывает возможности для более активной, разнообразной и гибкой государственной идеологической пропаганды.

Выдвигаются предложения включить в Конституцию ранее отсутствовавшие положения, а именно: ввести конституционные гарантии трёх новых прав – “право на среду”, “право на информацию”, “право на приватность”. Содержание этих новых “прав” пока не раскрывается подробно. Рассуждая умозрительно, можно заметить их некоторую внутреннюю противоречивость: создание благоприятной экологической

и социальной среды подразумевает активизацию регулирующей функции государства, а “право на приватность” могло бы означать и ослабление ответственности государства перед своими гражданами. Симптоматично в этом контексте, что названная “триада” новых социальных прав вызывает настороженное отношение оппозиционных и центристских партий, с их стороны звучат призывы критически “исследовать определение новых прав человека”.

Наконец, последний вопрос – следует ли смягчить условия, определяющие возможность внесения поправок в Конституцию? Ст. 96 предусматривает, что “поправки к настоящей Конституции вносятся по инициативе Парламента с согласия не менее двух третей общего числа членов обеих Палат и представляются затем на одобрение народа”. Пересмотр этой статьи, снижение “порога” до 50 % голосов депутатов дал бы сторонникам пересмотра Основного закона реальный шанс к началу конституционной реформы.

Самый беглый обзор предлагаемых к изучению и обсуждению в Парламенте вопросов возможной конституционной реформы показывает, что “повестка” реформы не является случайным набором проблем, плодом спонтанной игры политических сил либерально-демократического общества. Напротив, бросается в глаза систематичность и последовательность в определении проблем и решений, концептуальная целостность подходов к реформам, ощущается присутствие большой стратегии государственных преобразований.

Инициаторы возможной конституционной реформы видят будущую японскую Конституцию в целом ряде вопросов более близкой к мэйдзийской, нежели к Конституции 1947 г. Общество в условиях такой Конституции, как представляется, окажется более “регулируемым”, а государство – более авторитарным. В целом же предлагаемые нововведения заслуживают характеристики как праворадикальные по характеру.

Таким образом, в правовой и социально-политической жизни современной Японии обнаруживается с виду глубоко парадоксальное явление: процветающая страна с высокоразвитой рыночной экономикой и устоявшейся либерально-демократической системой общества и государства, находящаяся в зените своего процветания, ставит в повестку дня формирование бо-

лее традиционной, авторитарной общественно-политической системы. Анализ данного феномена необходим, чтобы объективно оценить глубину и силу этой тенденции, её перспективы на будущее: имеет ли здесь место случайный зигзаг истории, “социальная утопия реакционных сил” или это глубоко закономерный процесс, в основе которого “работают” факторы длительного действия.

Первичной причиной праворадикальных умонастроений влиятельной части современных японских идеологов и стратегов, ходатаев конституционной реформы, является объективная эволюция военно-политического баланса сил в Восточно-Азиатском регионе в послевоенный период. Сколь ни странно, но именно США дали изначальный стимул к ремилитаризации Японии, стремясь превратить ее в своего союзника в противостоянии социалистическим странам. Политика США встречала поддержку и у японской элиты (в границах её интересов). Сегодня правящие круги Японии всё больше выражают беспокойство разрушением традиционного баланса сил в этом регионе мира, вследствие политики США, стремящихся переложить свою ответственность за решение возникающих здесь проблем на своего союзника – Японию. Очевидно, что японская элита стоит перед кардинальным вопросом, каким образом она сможет далее обеспечивать военно-политический баланс в регионе.

Ремилитаризация Японии является важнейшим и традиционным компонентом праворадикальной эволюции этой страны. Вместе с тем, сама названная эволюция – явление гораздо более многослойное и масштабное, не сводимое к одной только проблеме обретения Японией своей военной мощи. Речь должна также идти о том, что Япония вынуждена реагировать на вызов новой эпохи: уходит в прошлое время, когда Япония могла позволить себе руководствоваться сугубо прагматическими, экономическими приоритетами и проявлять оппортунизм в глобальных политических проблемах, слепо следуя за США; новое время принесло для неё “принуждение к большой политике”.

В одной из статей дайджеста “Japan Echo”, публикующей статьи, привлёкшие наибольшее внимание японской общественности, так характеризуется видение японцами своеобразия переживаемого исторического момента: “Так называемая конфронтация консерваторов и прогрессистов в послевоенной Японии была не чем

иным как борьбой между прогрессивными силами, симпатизировавшим “американизму” и теми, кто занял сторону “советизма”... И Соединённые Штаты, и Советский Союз тяготели к интернациональному, глобальному, не связанному границами стилю поведения, мотивированному их собственными идеалами и стратегемами. Только взгляните на современное японское движение реформ (административные реформы конца 90-х годов – Н.А.); разбавляя и перемешивая американские и советские идеалы, они слились в хор призывов к интернационализации, глобализации, к отсутствию границ. Но нет и признака реформ во имя консерватизма, реформ, нацеленных на определение национального характера и представляющих национальный интерес. Это не что иное как реформы для реформ, которые и далее ускоряют размывание национального характера и предадут национальный интерес”¹.

В цитированном пассаже рельефно проступает факт – глобальное противостояние двух сверхдержав, США и СССР, и созданных ими блоков долгие годы отодвигало на второй план формулирование и реализацию странами-союзниками этих держав их собственного курса в мировых делах; но с окончанием “холодной войны”, конфронтации между США и СССР начался активный процесс дивергенции социального и экономического развития мира, формирование его многополярности, обретение многими странами своей более индивидуальной политики. И Япония всё острее ощущает необходимость иметь и защищать своё мировоззрение, свою идеологию, свою политику, т.е. в полном смысле быть державой.

Таким образом, возможная праворадикальная эволюция власти в Японии должна рассматриваться и как альтернатива глобальному влиянию сверхдержав, как элемент формирующейся многополярности современного мира, отражение поиска Японией её особого индивидуального места в мире, как зарождающаяся тенденция к становлению новой японской государственности.

Наконец, определённую роль играют и различия национальных условий и культур: по мере обретения страной всё большей самостоятельности, ослабления факторов внешнего да-

ления всё отчётливее должна проявляться экономическая и культурная “природы” страны, её национальные традиции. Вот как пишет на страницах “Japan Echo” об этом С. Нисибэ: “Народ, отвергший мудрость своей истории, здравый смысл своих обычаев и традиций, никогда не сможет быть независимым, и потому его самоуправление является, в лучшем случае, мошенничеством, раем рабов, управляемых господином (Америкой), который заставил народ отбросить свою историю, обычаи и традиции. Я говорю это не как раб, бранящий своего господина. Америке сегодня не хватает силы, чтобы быть господином (в том числе, в некоторой степени и военной силы). Даже её идеология “прав человека” представляет всего лишь идеалистические или апологетические вымыслы. Реальность Америки демонстрирует, что люди рождаются в неравенстве, и это универсальный принцип человечества. Жаль, что полстолетия после поражения Японии прошли в условиях вымышленной реальности нынешней Конституции, являющейся просто изложением американских идеалов...”².

Очевидно, что в подоплёке критических рассуждений и оценок С. Нисибэ лежит различие национальных моделей капитализма. В литературе, к сожалению, в должной мере не разработаны понятия “национальная модель капитализма”, “японская модель капитализма”, “американская модель” и т.д.

Известно, что, например, в рамках социалистического типа общества различия между конкретными обществами могут быть весьма значительными: скажем, югославская и северокорейская модели социализма.... Когда же речь заходит о капиталистических странах, всегда высвечиваются только самые общие моменты – “рыночная экономика”, “западная демократия” и т.п., при этом национальные различия (часто огромные) недооцениваются.

Между японской и американской моделями капитализма существуют различия, которые трудно переоценить. Американскому капитализму традиционно характерны превосходящие материальные, человеческие, технологические ресурсы, как следствие – высочайшая конкурентоспособность; соответственно, американская политика подчинена задаче

¹ Nishibe S. Why we should scrap the Constitution // Japan Echo. 1997. Vol. 24. No. 3. August 1997.

² Ibid.

обеспечения принципов свободы движения капиталов, товаров и людей на национальном и мировом рынках; американская идеология отличается приверженностью к универсалистским и прагматическим подходам, концепциям типа “свобода”, “политика открытых дверей”, “глобализация”, “интернационализация” и т.п. Японский капитализм традиционно уступает в материальных ресурсах (его передовые технологии – фактор относительно новый); его конкурентоспособность обеспечивалась более широким применением мобилизационных методов, в том числе – высокой эксплуатацией, организацией, корпоративной культурой; японская политика часто прибегает к созданию “сфер особых интересов”, зон протекционистского регулирования; основная стратегия в вопросах идеологии – не “свобода”, а “культура”, не универсализм, а партикуляризм, акцент на уникальность японской культуры.

Следует признать, что послевоенные демократические реформы в Японии далеко не идентичны историческим и культурным традициям этой страны и несут в себе много черт европейско-американской умозрительной политической философии. Нынешние конституционные усилия японских стратегов конечно же в огромной степени обусловлены давлением национальной исторической “природы” (традиции) Японии.

Напрашивается вывод, что в основе праворадикальных настроений в современном японском обществе лежат фундаментальные факторы долгосрочного действия – перестройка военно-политического баланса сил в АТР, развивающаяся в мире после “холодной войны” дивергенция государств и становление их самостоятельного курса на мировой арене, наконец,

более непосредственное и сильное тяготение национальной традиции, предопределяющей формирование японской национальной модели капитализма. Перечисленные факторы побуждают влиятельную часть правящей элиты Японии вновь критически оценить путь, пройденный страной за полвека, подталкивают её к пересмотру конституционных устоев общества и государства в пользу модели более традиционной, консервативной.

В целом же, однако, речь о конституционной реформе в Японии неизбежно носит пока гипотетический характер. Сторонники реформы собирают чуть больше 50 % голосов депутатского корпуса вместо необходимых им 2/3 общего числа голосов. Созданные при Парламенте советы по исследованию Конституции представят результаты своей работы только через пять лет, при этом их доклады даже с позитивным выводом о необходимости реформы не станут началом процесса ревизии Конституции, ибо упомянутые советы не обладают правом законодательной инициативы. Ещё более сложен вопрос о том, к каким выводам могут прийти общественно-политические силы Японии в процессе дискуссий по Конституции: невозможно представить, чтобы мэйдзийская Конституция оказалась восстановленной в полном объёме, но какие-то её элементы могут вновь оказаться востребованными; с другой стороны, нельзя исключить и возможность, что Япония, опираясь на свои достижения, двинется дальше по пути либерализации своих институтов. Несомненно лишь то, что предстоящие дебаты по Конституции помогут стране глубже понять себя, что предложенные в этих дискуссиях вопросы и ответы привлекут к себе огромный научный и политический интерес как в Японии, так во всем мире.